

І ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*А.А. Знаменский**

«ВОЙНА – ЗДОРОВЬЕ ГОСУДАРСТВА»: КРИТИКА ГЕРОИКИ «НОВОГО КУРСА И ВОЕННОГО КЕЙНСИАНИЗМА В США

В результате войны для большинства американцев всех классов государство превратилось в нечто сакральное. Если бы они на секунду задумались о том, что с ними произошло, то, наверное, немало бы подивились тому, насколько резко это противоречит их прежним традициям.

Рэндольф Борн “Война - здоровье государства”
(1918)

В статье анализируется влияние войны на постепенное усиление центральной власти в США с 1917 г. по 1945 г. Особое внимание обращается на то как военно-мобилизационные схемы Второй мировой войны видоизменили экономику и социальную жизнь американцев. Анализируются работы ученых “ревизионистов” (Р. Хиггс, Л. Рид, А. Шлаес, Б. Фолсом, Д. Пауэлл, Р. Морфи), которые начиная с 90-х годов прошлого века начали ставить под сомнение прогрессивное влияние «нового курса» на социально-экономическое развитие США, подчеркивая что политика президента Рузвельта лишь затянула выход страны из Великой депрессии. В статье показывается как эти ученые пошли дальше, подвергнув пересмотру тезис об экономическом процветании Америки в период Второй мировой войны. Делается вывод о том, что мобилизационные программы Первой и Второй мировой войны а также в период «нового курса» постепенно сместили баланс власти в сторону федеральной бюрократии и ограничили пространство индивидуальной свободы.

Ключевые слова: Ф.Д. Рузвельт, США. “новый курс”, Вторая мировая война, бюрократия, Великая депрессия, “режим неуверенности”.

В США отношение к президенту Франклину Рузвельту, который находился у власти с 1933 по 1945 год, продолжает оставаться политически ангажированным. До недавнего времени в школьных и вузовских учебниках, в

*© Знаменский А.А., 2016

Знаменский Андрей Андреевич – профессор истории, исторический факультет. Университет Мэмфиса (США)

документальном кино и в работах историков его “новый курс” (1933 – 1938), а также его социально-экономическая политика во время войны, считались образцом государственного регулирования и оценивались весьма положительно. Несколько поколений выросли в убеждении, что Рузвельт – это великий президент, который вывел страну из Великой депрессии 1929 г. и способствовал процветанию Америки. Многократно переиздаваемые исторические работы, в частности труды таких маститых классиков как А. Шлезингер-младший, Г. Коммаджер и С.М. Липсет рисовали Рузвельта в роли спасителя нации [1, 2, 3], а средства массовой информации и школьные учебники усиленно поддерживали героику «нового курса» и мобилизационных программ Второй мировой войны

Так в своем предисловии к работе У. Лойтенбурга, который до недавнего времени являлся патриархом «рузвельтовских исследований», Коммаджер и Моррис особо подчеркивали: “Господство республиканцев в 20-е годы имело глубоко негативный эффект на страну, а новый курс в 30-е годы оказал сугубо положительное влияние. «Страна нуждается в прямом действии и нуждается сейчас», воскликнул Рузвельт во время своего вступления в должность и потребовал «чтобы власти начать войну против кризиса». В этих словах заключено все то, что способно творить историю: активное руководство обладающее большим и зажигательным планом способным разрешить насущные проблемы, люди заряженные уверенностью и решимостью и страна осознавшая свою ответственность и возможности. Какая драма, какое действо! Солнце восходит над понурым полем, новый лидер, окруженный своими соратниками, поднимает знамя и смело идет на врага. Со всех сторон в это шествие вливаются все новые и новые сторонники, играют оркестры, реют флаги. Наконец вся эта армия устремляется вперед, и вот вдали уже слышны звуки битвы перемежаемые с победными возгласами. Может быть на самом деле это выглядело не совсем так, но тогда нам всем это виделось так” [5, ix-x]. Я специально привел эту длинную цитату, чтобы показать в каком духе чаще всего освещались реформы Рузвельта. Сегодня, кстати, уже общепризнано, что история «нового курса» долгое время писалась его сторонниками [6, с. 2].

Если коротко определить “новый курс”, то суть его сводилась к следующему. Путем усиления президентской власти, масштабного увеличения социальных расходов и искусственного создания рабочих мест за счет государственного долга, роста налогового бремени и непрекращавшейся антикапиталистической риторики правительству Рузвельта удалось сбить накал социальных страстей, а потом во время войны добиться невиданной популярности в массах. Причем эта популярность зашкаливала до таких пределов, что многие американцы к 1945 г. стали считать Рузвельта одним из отцов нации, о чем свидетельствует его переизбрание на пост президента четыре раза подряд – невиданный случай в истории США.

Хочется подчеркнуть, что данный очерк не является анализом политики «нового курса». Это было сделано многократно и детальным образом как в американской так в советской (затем российской) исторической литературе

[7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 6]. Надо лишь напомнить, что в настоящее время как в американской так и в российской историографии преобладающим является мнение, что реформы Рузвельта были ответом на запрос общества оказавшегося в глубоком кризисе. Отмечается также, что эти реформы спасли и «облагородили» капиталистическую систему. Тем не менее, отсюда часто делается сомнительный вывод, что методы и приемы государственного вмешательства, введенные деятелями «нового курса» имеют непреходящее значение и для нашего времени, что в частности приходилось слышать и в США и в России во время кризиса 2008 г. Так, в своей статье по историографии «нового курса» А.В.Некипелов прямо подчеркнул, что в сегодняшней России наблюдается явная идеализация Рузвельта как выразителя народных интересов и борца против монополий [14].

Более того, в начале нулевых годов, еще до того как в сегодняшней России произошел поворот к антиамериканизму, некоторые представители российской элиты апеллировали к опыту Рузвельта-государственника для идеологического обоснования строительства «вертикали власти» и усиления федерального центра. Например, на конференции «Уроки «нового курса» для современной России и всего мира», проведенной в МГИМО в 2007 г. и специально приуроченной к 125-летию рождения Рузвельта, влиятельный в то время кремлевский политтехнолог В. Сурков провозгласил американского президента «идеологическим союзником», призвав Путина укрепить нынешнюю власть и, как в свое время Рузвельт, «максимально использовать потенциал президентской власти ради преодоления кризиса». «Идеи и эмоции, приводящие в движение наше общество сегодня, удивительно созвучны идеям и эмоциям эпохи Рузвельта», подчеркнул бывший замглавы администрации президента [15, 16].

Цель данной статьи посмотреть как военно-мобилизационные методы, которые постепенно стали составной частью жизни Америки после ее вступления в Первую мировую войну, были взяты на вооружение деятелями «нового курса» для решения экономических и социальных проблем, и как потом они были усилены в период Второй мировой войны. Основная задача - показать как в совокупности все эти мероприятия естественным образом привели к усилению центральной власти и бюрократического регулирования и к сокращению пространства личной свободы, свободного предпринимательства и местного самоуправления. Необходимо подчеркнуть, что политико-экономический режим созданный в Америке в период двух войн и мобилизационных программ «нового курса» стал фундаментом так называемого «государства всеобщего благоденствия» (welfare state) и впоследствии стал восприниматься американской элитой а также большой частью населения как естественное и положительное явление. Попутно, основываясь на недавно вышедшей литературе, я проведу подробный разбор мифа о процветании американцев во время Второй мировой войны.

Думется, не надо доказывать, что любая война и затяжные конфликты сами по себе ведут к усилению государственной власти и к ограничению

свобод. В этом плане современная история США предвдляет исключительный интерес по нескольким причинам. В силу исторических обстоятельств, вплоть до 1917 г. эта страна не была активно вовлечена в кровавые войны и конфликты, которыми, например, так богата история Европы и пространство личной свободы до начала XX в. было там неизмеримо шире чем в других странах. Это во многом было связано также с тем, что на протяжении длительного периода времени политическая культура США выросла из англо-саксонской системы общего права и разделения властей. Более того, в отличие от многих других стран, прямое экономическое присутствие государства в экономике США до сих пор не превышает 40%. Именно в силу этих обстоятельств интересно рассмотреть как в этой стране с сильными индивидуалистическими «антигосударственными» традициями военно-мобилизационные методы, которые были приняты на вооружение после 1917 г., довольно быстро видоизменили социально-экономическую и политическую систему.

Хочется напомнить о том, что реформы осуществленные в США в рамках «нового курса», а также сходные мероприятия проводившееся одновременно в Англии, Франции, Швеции и некоторых других странах Запада, на политэкономическом жаргоне получили название кейнсианства. Д. Кейнс был широко известным английским экономистом, который в 1936 г. впервые обобщил импровизированные акции, подобные «новому курсу», придав им «научный» характер. Такой подход вполне отвечал распространенному в те годы «божественному» отношению к научному знанию, что санкционировало кейнсианство в глазах политиков и широких масс как единственно правильную альтернативу фашизму и коммунизму. Для многих сегодняшних представителей американской политической и интеллектуальной элиты методы «нового курса», которые были вполне закономерны более 80-ти лет тому назад в чрезвычайных условиях, навеянных войной и классовыми битвами, приобрели сакральный и вневременной характер, превратившись в некую политикоэкономическую отмычку, которая годится на все времена [17]. В этих кругах неустанно подчеркивают, что большинство американцев в 30-е годы поддерживало «новый курс», как будто мнение большинства всегда, везде и на все времена служит неоспоримой политической индугльгенцией.

В последнее время в США, особенно в связи с дебатами на тему как выходить из кризиса 2008 г., ведутся жаркие споры о судьбе и правомерности использования «вертикали» федеральной власти заложенной Рузвельтом для решения социально-экономических проблем страны. Причем политические круги, связанные с демократической партией и интеллектуальной элитой страны которая традиционно занимает левые позиции, пропагандируют эту «вертикаль» как нечто естественное и необходимое, а другие (часть республиканцев и либертарианцы) настаивают на том что абсурдно воспринимать институты ставшие следствием первых четырех «чрезвычайных» десятилетий 20-го века как положительное и естественное явление. Эти круги апеллируют к американской политической

традиции индивидуальной свободы и местного самоуправления и призывают активной задействовать «горизонтальные» методы. Любопытно отметить, что в связи с известным разочарованием в государственном социализме, в последнее время в Америке растет число левых, среди которых все более популярным становится лозунг «даешь горизонтальную систему» [18].

Поскольку сегодня в США левоцентристские круги социал-демократического толка “заказывают музыку” на телевидении, в прессе, школах и университетах [19], сакральное отношение к Рузвельту достаточно широко представлено в американском мейнстриме. Наглядный пример подобного пиетета – это невиданный всплеск политической эйфории в этих кругах США в связи с избранием Барака Обамы на пост президента – событие случившееся на фоне жестокого экономического кризиса 2008 г. “Прогрессивная” пропаганда тогда представляла Обаму как второе пришествие Рузвельта и активно обсуждала, что из наследия великого предшественника молодой президент использует для разрешения экономических проблем. На своей обложке журнал “Тайм” даже разместил портрет Обамы, развалившегося на сиденье автомобиля с характерной улыбкой и большой сигарой в зубах [20] – так как любил позировать Рузвельт.

Историческая наука также не осталась в стороне от подобной эйфории. Так У. Лойтенбург [7], один из ведущих специалистов по 30-м годам, который сам активно участвовал в создании вышеупомянутой легенды о Рузвельте – спасителе нации, с упоением отмечал, что в первом обращении Обамы-президента к американскому народу ему чудится дух Рузвельта [21]. Д. Смит, левый историк молодого поколения, в своей только что опубликованной книге о “новом курсе”, задуманной как учебник для вузов, сравнивает Великую депрессию 1929 г. и кризис 2008 г., призывая современных американских политиков учиться у Рузвельта [22, р. 180-181]. По его мнению, главный урок Рузвельта и одновременно “основополагающая идея, проходящая красной нитью через всю политику нового курса – это то, что экономическое развитие можно и должно достигнуть под руководством государства” [22, р. 176]. В 2010 г. на ежегодном съезде американской исторической ассоциации Смит даже организовал специальную секцию с сугубо практическим уклоном на тему “Чему Барак Обама может научиться у истории”. Его коллега Р. Уолкер организовал целую конференцию на тему на тему “Эпоха Обамы и уроки 30-х годов” [22, р. X]. И это еще не все. В свете победы Обамы на выборах 2008 г., когда журнал “Ньюсуик” вышел под многозначительным заголовком “Мы сейчас все социалисты” [23], группа «прогрессивных» историков инициировала многолетний исследовательский проект под названием “Животворный новый курс” [22, р. X].

Пиетет по отношению к Рузвельту в работах этих авторов порой достигает гротескного размаха. Так левый ученый Х. Кайе, который занимает в университете Висконсина странную должность под названием “профессор демократии и социальной справедливости”, написал целый исторический панегирик 30-м годам и “новому курсу” – американский вариант советского исторического продукта из серии “у нас была великая эпоха”. Кайе воспекает

деятели, которые проводили “новый курс” как величайшее поколение. Как и Смит, Кайе подчеркивает необходимость постоянного государственного вмешательства и перераспределения доходов. "Профессор демократии и социальной справедливости" критикует Обаму за неспособность поднять и высоко нести знамя Рузвельта. Более того, своей монографией ученый ни много, ни мало хочет послать обществу "пламенный призыв возродить прогрессивное наследие Америки" [24, р. 43]. В своем неизмеримом восторге по поводу Рузвельта, Кайе доходит до того, что утверждает, что этот президент якобы боролся за интересы черных американцев и женщин. Подобный подход является типичным примером довольно распространенного в сегодняшних гуманитарных науках США явления, когда ученый, выдавая желаемое за действительное, пытается пропустить прошлое через призму нынешней идеологии мультикультурализма.

Тем не менее, начиная с 80-х годов прошлого века, когда по всему миру начал распадаться "реальный социализм" и когда на Западе появились первые трещины в здании склеенного по кейнсианским лекалам государства всеобщего благоденствия, “новый курс” начал подвергаться активному пересмотру со стороны ученых либертарного направления [25-30]. Ранее считавшиеся маргинальными, их оценки ныне приобретают все большую популярность в обществе, постепенно проникая в академическую среду, где, хочу еще раз подчеркнуть, господствуют левоцентристские взгляды и где распространен пиетет в отношении государства-благодетеля. Особенно критика “нового курса” усилилась в связи с кризисом 2008 г. и провальными “реформами”, осуществленными администрациями Буша и Обамы. Оба президента, следуя кейнсианским рецептам, прибегли к массивному спасению крупнейших банков-банкротов и нерентабельных предприятий, а также к увеличению денежной массы.

Вышеуказанные ученые-ревизионисты подчеркивают, что популистские мероприятия Рузвельта, которые действительно снискали ему поддержку масс, не только не положили конец депрессии, а еще более продлили ее. Они также обращают внимание на то, что “новый курс” демократа Рузвельта по сути дела был продолжением и усилением мероприятий, затеянных его предшественником-республиканцем Г. Гувером. Здесь прежде всего имеются в виду неуклюжие попытки Гувера удержать потолок средней заработной платы рабочих от падения и особенно разрушительный закон о тарифах (1930 г.) [31, р. 590-763], который привел к торговой изоляции США от остальных стран и спровоцировал настоящую торговую войну в мире. Закон был принят с благородной целью защиты американских компаний от иностранной конкуренции. Таким образом республиканская администрация неизмеримо усугубила кризис 1929 г. [27, р. 5-6]. Демократы продолжили регулирование зарплат и самоубийственную торговую изоляцию.

Ко тому что начали республиканцы Рузвельт добавил антикапиталистическую риторику и массовые общественные работы, где людей за малую фиксированную плату нанимали, чтобы хоть чем-то занять. Кстати, суть рузвельтовских общественных работ (рытье канав, озеленение,

покраска, мелкий ремонт и тому подобное) хорошо отразилась в американском народном фольклоре. Так в песне сочиненной обитателями одного из трудовых лагерей для безработных находим такие слова: “Поспи на работе, /Живи веселей, /Обопрись на лопату и время убей” [32, р. 193]. Л. Рид, который одним из первых подверг “новый курс” критическому анализу, указывает, что в первый год своего пребывания у власти Рузвельт вызвался потратить на оздоровление экономики 10 миллиардов долларов, тогда как в казне имелось только 3 миллиарда. Л. Дуглас, директор бюджетного ведомства, который воспротивился этому, был сразу же уволен в 1934 г. Так, по мановению руки президента, Америка впервые вползла в долги, из которых она так и не выбралась до сих пор. С 1933 по 1936 год правительственные расходы увеличились на 83%, а государственный долг соответственно на 73% [27, р. 10].

Интересно отметить, что первоначально, как и большинство американцев, Рузвельт был противником дефицитного бюджета. В первый год пребывания у власти он даже сократил государственные расходы увеличенные при Гувере и немного сбалансировал бюджет. Однако, несмотря на первоначальную осторожность, логика событий, запрос американского общества и общий дух эпохи с ее культом сильного и заботливого государства сдвинули Рузвельта и его кабинет влево, что заставило правительство вернуться к увеличению государственных расходов на общественные работы. Постепенно президент и большая часть элиты Америка «обратилась» в кейнсианство и пришла к убеждению, что превышение расходов над доходами, что до это считалось временным и нежелательным явлением, является нормальным и даже положительным фактором, тем более что Д. Кейнс подвел под это «научную» базу.

Указанные меры сопровождалась жестким регулированием экономики и постоянными популистскими выпадами против “бесчестных денежных менял” бесчинствующих в “храме цивилизации” [33], что как отмечает историк-экономист Р. Хиггс посеяло среди предпринимателей панику и “режим неуверенности” [34]. Бизнесмены просто боялись вкладывать деньги во что либо и начали, образно выражаясь, держать деньги в матрасе. Многие, как предприниматели, так и обычные люди, стали опасаться, что государство может попросту конфисковать их сбережения и инвестиции. Наиболее убийственным для экономики оказался принятый в 1933 г. закон о создании массивной бюрократической структуры под названием «Администрации экономического возрождения» (АЭВ) (National Recovery Administration) [35], которую через два года вынуждены были демонтировать. Вместо того, чтобы дать экономике, изуродованной военным регулированием 1917-1919 гг. и финансовым вмешательством Федеральной резервной системы в 20-е годы, самой отрегуливаться и перераспределить производственные мощности куда это требовалось, АЭВ стал навязывать предпринимателям так называемые кодексы честной конкуренции [35, р. 196-197]. Подобные кодексы обязывали их поддерживать фиксированную цену на продукты и услуги. Тех предпринимателей кто сбивал установленные правительством

цены и играл на понижение, стали наказывать. Благодаря этому “возрождению” за первые шесть месяцев действия этого закона вся промышленность страны оказалась картелизированной, а кампании вынуждены были увеличить свои расходы на 40%. И это в условиях кризиса, когда предпринимателям наоборот надо было экономить и переориентировать производство [27, р. 5-6, 11]. Необходимо также отметить, что идея и сам шаблон для создания АЭВ родились из учреждения образованного в Первую мировую войну под названием «Управление военной промышленности». Кстати, в этом управлении работал администратором Х. Джонсон, которого затем назначили главой АЭВ [36, р. 23].

Не менее губительной была абсурдная сельскохозяйственная политика (Agricultural Adjustment Act) [37], которая была направлена на помощь фермерам, а в результате привела к росту безработицы и уничтожению мяса, зерна и фруктов, в то время как массы населения голодали. Суть дела заключалась в том, что государство, движимое благородной целью спасти доходы фермеров от падения, пыталось волевыми методами удержать высокие цены на сельхозпродукцию путем сокращения посевов и истребления, как считалось, излишнего поголовья скота. Тем, кто сокращал свои посевы и стада, стали даже платить денежные премии. Подобный “сталинизм наоборот” в промышленности и сельском хозяйстве не только не свернул депрессию, а даже усилил и продлил ее. Понятно, что в таком нездоровом климате инвестиции резко сократились, а вместе с ними и создание новых рабочих мест. К 1938 г. своими безответственными популистскими действиями правительство Рузвельта умудрилось ввергнуть страну в новый виток кризиса внутри уже существующей депрессии. Безработица скакнула до 20%.

Поскольку из-за попыток правительства директировать развитие промышленности и сельского хозяйства, ситуация в экономике не улучшалась, к сентябрю 1937 г. Рузвельту стало казаться что бизнес намеренно саботирует его «новый курс» и что вышеуказанный новый виток кризиса его рук дело. Президент даже поручил ФБР расследовать не существует ли среди предпринимателей преступный заговор против его политики. Агенты спецслужбы сбились с ног, но так и не смогли ничего обнаружить, поскольку заговора естественно не существовало [10, р. 352]. На протяжении всех тридцатых годов в кабинете Рузвельта панически боялись потери голосов избирателей. Постоянное «кормление» неимущих, малоимущих и потенциально недовольных путем расширения государственных социальных программ позволило решить эту «проблему»; игнорируя советы министерства финансов и в дополнение к уже существующим программам, весной 1938 г. президент принял на вооружение еще одну обширную программу государственных расходов на социальные нужды с непомерным по тем временам бюджетом в 5 млрд. долл. В одной из своих знаменитых «радиобесед у камина» Рузвельт объяснил населению, что таким образом хочет увеличить покупательную способность населения и подчеркнул, что в обязанность правительства входит способствовать

экономическому подъему [7, p. 256-257]. Побочным результатом усиления государственной централизованной благотворительности стал обвал и частичное уничтожение эффективной и широко разветвленной сети частной, церковной благотворительности и многочисленных фондов взаимопомощи [38].

Помимо влезания в долги, для изыскания дополнительных средств на общественные работы Рузвельт подписал закон о “государственном пополнении” (Revenue Act) (1935 г.), который установил подоходный прогрессивный налог на индивидуальных предпринимателей и компании: от 31% для тех которые делали минимум 45,000 долл. в год до 74% на тех кто зарабатывал до 5 миллионов [39]. Затем, во время войны, эти налоги еще более увеличили. Тем не менее, в 1939 г. министр финансов Г. Моргантау вынужден был признать: “Мы пытались решить проблему денежными вливаниями. Даже сейчас мы тратим более чем когда-либо, но это попросту не работает” [40]. Ученые-ревизионисты подчеркивают [4, 27, 28], что экономический кризис 1929 г. вполне мог бы стать скоротечным, как и экономический спад 1920 г., о котором мало кто слышал. Вместо этого, события 1929 г. превратились в Великую депрессию благодаря безответственной финансовой и экономической политике сначала республиканского правительства Гувера в 1929 – 1933 гг., а затем в результате еще более безответственных действий демократической администрации Рузвельта в 1933 – 1939 гг. Как выразилась историк-экономист А. Шлаес, «С 1929 г. по 1940 г., от Гувера до Рузвельта, вмешательство правительства помогло сделать депрессию великой» [29, p. 9].

Р. Хиггс, который ввел в оборот выражение "режим неуверенности", подчеркивал, что вышеупомянутые волонтаристские выходы деятелей “нового курса” были логичны, ибо они коренились в их предшествующем личном опыте сформированным в условиях Первой мировой войны. Занятые мобилизацией, контролем и распределением ресурсов в условиях войны, будущие члены Рузвельтовской команды привыкли считать что военно-мобилизационные методы являются надежными и прогрессивными. Не случайно, что многие из демократической элиты США 30-х годов прошлого века, включая даже тех, кто не симпатизировал социализму, восхищались гигантскими планами Сталина, направленными на модернизацию СССР [41]. Достаточно напомнить что и сам Рузвельт служил помощником министра военного флота с 1913 по 1920 г. Шаблоны для многих программ “нового курса” были заложены в мобилизационных кампаниях и учреждениях Первой мировой войны. В кругу Рузвельта эти методы казалось полезными и нужными для применения в условиях Великой депрессии, которую они по аналогии с войной считали событием чрезвычайным, требующим всеобщей мобилизации и широкого всемерного государственного вмешательства [42, p. 151].

Характерным примером такого рода деятелей являлся и Г. Уоллес, один из доверенных людей Рузвельта, который сначала был министром сельского хозяйства, а затем стал вице-президентом. Этот политик считавшийся не

только прогрессивным, но и пацифистом до мозга и костей, тем не менее всерьез рассуждал о положительном вкладе Первой мировой войны в социальную и экономическую политику. Уоллес называл войну отличной школой, которая научила людей методам и приемам государственного контроля по мобилизации общества на достижение "светлого будущего": "Во время войны индивидуалисты вынуждены склоняться перед общей волей. Силы, которые приводит в движение великая война, продолжают оказывать влияние на целое поколение и после войны". Уоллес был убежден, что было бы неразумно не использовать общественное и экономическое регулирование, которое стало частью жизни общества во время войны, на достижение всеобщего блага после войны. Свои рассуждения вице-президент закончил красочной метафорой: государственное регулирование придает "окружающей жизни красоту и целенаправленность" [43, p. 5].

Не случайно, что уже в своей программной речи по поводу вступления на пост президента, Рузвельт открыто потребовал от конгресса чрезвычайных полномочий и даже пригрозил, что если ему эти полномочия не будут даны, то он их возьмет сам [44]. К счастью, политическая традиция США, основанная на сдержках и противовесах и, худо-бедно, заточенная на индивидуальную свободу, быстро погасила всю эту опасную риторику, чего нельзя сказать о его популистских экономических проектах. Здесь уместно будет заметить, что Л.Б. Джонсон, будущий президент США в 60-е годы, который во времена Рузвельта был мелким чиновником в одной из программ "нового курса", нарек свою бюрократическую и сверхзатратную кампанию по выравниванию доходов населения "Война по борьбе с бедностью". Что характерно для всех перечисленных схем – это планирование и мобилизация сверху донизу на дело "всеобщего блага" без учета местной специфики и потребностей.

Апологеты Рузвельта всерьез обеспокоились широкой ревизионистской критикой, развернувшейся в последние годы по поводу "нового курса". Она уже сильно поколебала незыблемость кейнсианской идеологии. Так А. Коэн, обозреватель некогда влиятельной газеты "Нью-Йорк Таймс", возмущается популярностью среди студентов книг ученых-ревизионистов Т. Вудса и Д. Пауэлла [45, 28], которые в доходчивой форме разбивают миф о Рузвельте. Коэн с сожалением признает, что подобные работы нельзя уже считать маргинальными; книга Пауэлла, например, заняла восьмое место в списке бестселлеров «Нью Йорк таймс» по литературе документального жанра. Тем не менее, вместо ответа Вудсу и Пауэлла по существу, обозреватель отмечает их критику Рузвельта как проявление "атак правых кругов на общепринятые исторические истины" [46, p. 16]. Его однофамилец Р. Коэн, престарелый обозреватель из другой не менее популярной в прошлом веке "Вашингтон пост", не ругает прямо историков-ревизионистов, а просто с сожалением констатирует, что "Рузвельта больше не считают святым" и далее с ностальгией восклицает: "В нашем доме Рузвельта считали не просто президентом. Он был для нас богом" [47, p. 15].

Апологетический подход к наследию “нового курса” сегодня уже более не является непререкаемым среди «официальных» ученых историков и экономистов, некоторые из которых стали признавать, что Рузвельт своими “реформами” 30-х годов так и не вывел страну из экономического кризиса. Интересно в связи с этим привести слова А.Бринкли, известного исследователя «нового курса». В своем недавнем изданном вузовском учебнике по истории США он, в частности, пишет: «Ничего из того что делалось в период нового курса не положило конец Великой депрессии, но некоторые его меры удержали ситуацию от ухудшения, а некоторые другие шаги указали на то как надо проводить эффективную экономическую политику в будущем» [48, р. 705]. Подобное высказывание является очень хорошим свидетельством того как сакрализация кейнсианства укоренилась в общественном и научном мышлении США.

Тем не менее, большинство исследователей которые надоятся в «мейнстиме», а также многие критики Рузвельта часто едины во мнении, что вступление США во Вторую мировую войну явилось как раз тем, что наконец-то прекратило Великую депрессию и способствовало экономическому процветанию страны. Так, вышеупомянутый Р. Коэн, как само собой разумеющееся, утверждает: “Уже больше не считается, что новый курс остановил Великую депрессию. Это сделала Вторая мировая война” [47]. Ему вторит нобелевский лауреат П. Кругман, нобелевский лауреат и известный общественный деятель: “Великая депрессия в США прекратилась в результате массовой “программы” общественных работ профинансированной государством, и имя этой “программы” – Вторая мировая война” [49, р. 74].

На первый взгляд, действительно, война неизмеримо улучшила положение в экономике страны: с 1941 г. по 1944 г. ВВП страны выросло на целых 33.5% [50, р. 3]. Более 10 миллионов американцев было призвано в армию и примерно столько же пошло трудиться в оборонную промышленность. Все это полностью рассосало армию безработных, которая к началу войны составила 17 миллионов человек. В процентном отношении безработица резко сократилась с 14,6% в 1940 до 1,2% в 1944 г. Зарплата рабочих также росла большими темпами; с 1940 г. по 1945 г. почасовая оплата на заводах увеличилась в среднем на 40% [51, р. 63, 67]. Не случайно, глядя на эти сногсшибательные данные, многие экономисты и историки заявляют что массивные затраты государства на войну и оборону покончили с Великой депрессией. Если посмотреть на вещи формально, то действительно, как утверждает, например, вышеупомянутый Д. Смит, война, наконец, достигла двух целей, которые не удалось достичь в мирные тридцатые годы: бурный рост экономической активности и ликвидация безработицы [22, р. 149]. Тут же он с упоением цитирует одного из рузвельтовских реформаторов, который отмечал: “Честно мыслящему прогрессивному человеку надо признать, что простым людям стало жить значительно лучше во время войны, нежели при новом курсе” [22, р. 169]. Дальше – больше. Оказывается, пишет Смит, “военная экономика принесла потребителям, и в

частности рабочему классу, благоприятные нововведения. Так, управлению по регулированию цен наконец удалось обуздать инфляцию и ввести распределение товаров по талонам" [22, р. 169-170]. Историк естественно ничего не говорит о том, что инфляция была "обузdana" в приказном порядке через регулирование цен, что привело к невиданному расцвету черного рынка. Этому же способствовала и распределительная система, введенная на промтовары во время войны. Все эти до боли знакомые российскому читателю явления преподносятся этим историком как достижения президента: "Невиданное улучшение в экономике страны во время войны – заслуга Рузвельта" [22, р. 170].

Со странной для ученого эйфорией Смит пишет, что в 1940 г., еще до нападения Японии, Рузвельт поставил задачу произвести по 50 тыс. самолетов в год. Эта невиданная задача не только была выполнена, но и перевыполнена. Такое, по выражению Смита, "производственное чудо" стало возможно, и он это специально подчеркивает, в результате максимального усиления государства в деле регулирования труда и капитала [22, р. 168]. Никто не сомневается, что подобные усилия были вполне закономерны и неизбежны в чрезвычайные предвоенные и военные годы. Что вызывает удивление – так это линия рассуждений Смита. Вместо того чтобы, показать, что указанная политика была оправдана 80 лет тому назад в определенном историческом контексте, он скатывается в идеологическое морализаторство, доказывая непреходящую ценность этих военно-мобилизационных "планов громадьи" и всерьез рассуждая о том, как важно в наши дни сохранить их дух и направленность.

Надо сказать, что до Второй мировой войны сама идея войны была крайне непопулярна в Америке. Страна, которая развивалась вдали от непрекращающихся мировых конфликтов, и где в силу исторической специфики прочно укоренились традиции индивидуальной свободы, редко переживала патриотические подъемы, не имела призывной системы и никогда не держала большую постоянную армию в условиях мирного времени. Поэтому всякая мобилизация всегда происходила с трудом. Так президенту В. Вильсону с величайшим трудом удалось втянуть американское общество в Первую мировую войну и то лишь путем искусственного нагнетания шовинизма, милитаристской пропаганды и постоянного запугивания внешней опасностью. В отличие от 1917 г., когда никто не нападал на Америку, Рузвельту в 1941 г. пришлось значительно проще, поскольку США подверглись прямой атаке со стороны Японии. Тем не менее, и ему, до нападения японцев на Перл-Харбор, также пришлось столкнуться с мощной антивоенной волной. В 1940 г., когда президент предложил ввести призывную систему, значительная часть общества сразу встретила подобную инициативу в штыки. И все же в мае 1940 г. ему удалось убедить конгресс принять этот закон [52] во многом благодаря тому, что общественное мнение уже было подготовлено мобилизационными программами Первой мировой войны и чрезвычайными мерами "нового курса" 30-х годов. В то же время, понимая насколько война и "призывное

рабство” непопулярны в стране, Рузвельт пошел на свою предвыборную кампанию 1940 г. с лозунгом "Отцы и матери Америки, я уже заверил вас и хочу повторить это еще раз - я никогда не пошлю ваших детей воевать за рубеж" [53, p. 517].

Из 16 миллионов человек, которые служили в армии США во время Второй мировой войны, 10 миллионов состояли там по призыву. Считается, что остальные 6 миллионов вступили в армию в качестве добровольцев. На самом деле эти "добровольцы" были в массе своей люди, сознательно записывавшиеся во флот или в тыловые части, чтобы спастись от призыва в пехоту и от других убийственных вариантов. Так, например, не было отбоя от "добровольцев", готовых "послужить" стране в качестве чиновников и писарей в составе призывных комиссий. По этому разряду государство записало в армию до 100 тыс. человек [25, 202]. Вслед за законом о мобилизации, в октябре 1940 г. приняли закон о реквизициях на оборону (National Defense Requisition of Certain Articles Act) [54], который давал президенту право мобилизовывать и конфисковывать все необходимые ресурсы на случай войны. После начала войны было принято еще несколько сопутствующих законов [55], расширившие возможности центральной власти вплоть до неограниченной конфискации частной собственности на военные нужды. В 1941 – 1942 гг. были быстро созданы различные правительственные службы по "мобилизации" алюминия, резины, металла, горючего и продовольствия. Всем этим хозяйством заведовало головное учреждение под названием Управление по военному производству (War Production Board) [56] во главе с неким Д. Нельсоном. В своем обращении к стране, после нападения японцев на Перл-Харбор, Рузвельт подчеркнул, что людям надо относиться к мобилизации ресурсов и населения на войну не как к акту самопожертвования, а как к привилегии, которую государство дарует гражданам по защите своего отечества. Он в частности выразил уверенность, что люди с радостью воспримут новые повышенные налоги [25, p. 205].

В 1942 г. был принят "Чрезвычайный закон о контроле за ценами" (Emergency Price Control Act) и сопутствующий ему "Закон о стабилизации" (Stabilization Act) [57, p. 23-37; 765-768], которые были направлены на предотвращение "спекулятивного, необоснованного и ненормального повышения цен и квартплаты", а также против "извлечения прибыли, нарушения товаров, спекуляции и других пагубных практик" [57, p. 24]. За нарушение полагалось до двух лет тюрьмы или до 5000 долларов штрафа [57, p. 33]. Скоро все товары народного потребления и продукты имели фиксированные цены. Одновременно ввели распределение по талонам бензина, шин, кофе, молока, сыра, консервов, обуви, мяса, сахара, и почему-то пишущих машинок [25, p. 209-210]. В условиях контроля за ценами и талонной системы бурным темпом расцвел черный рынок. Для бывшего советского человека, для которого дефицит товаров, черный рынок, карточная система, а потом талоны были неотъемлемой частью жизни при "реальном социализме", масштаб вышеперечисленных ограничений естественно выглядит смешным, особенно по сравнению с лишениями

пережитыми советским населением во время Второй мировой войны. Однако здесь важен не столько объем введенных ограничений, а сам прецедент. Подобные меры можно назвать военным социализмом или же просто фашизмом, но суть дела от этого не меняется. Хиггс, который подробно исследовал военно-мобилизационную машину США, подытоживает: “Воюя против стран где государство занималось подавлением личности, Соединенные Штаты переняли некоторые черты этих самых вражеских систем” [25, p. 211].

Кстати, еще задолго до того как Италия и Германия стали врагами Соединенных Штатов, немецкая а также итальянская пресса и политические лидеры с удовольствием подчеркивали сходство между “новым курсом”, итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом [58, 59]. Так “Фелькишер Беобахер,” главная партийная газета национал-социалистической партии Германии, в 1934 г. с похвалой отзывалась о Рузвельте, который, по ее словам, “принял на вооружение элементы национал-социалистической мысли в своей экономической и социальной политике” [42, p. 147]. Как положительную черту “нового курса” нацистская газета отметила усиление президентской власти в США. Национал-социалисты также хвалили “новый курс” за то, что он ставит общественное благо выше индивидуальных интересов.

Ознакомившись с социально-экономической политикой Рузвельта, Муссолини был еще более откровенней, отметив что “он [Рузвельт] – наш человек” [42, p. 147]. Рузвельт в свою очередь активно интересовался опытом Муссолини по устройству корпоративной экономики и возможностью его использования в США. Однажды он даже признался одному из доверенных лиц: “Скажу тебе по секрету, что поддерживаю близкие контакты с этим выдающимся итальянским джентльменом” [60, p. 139]. Многие прогрессивные историки [61, 62, 63] сбили перья, справедливо осуждая заключение во время войны в концлагеря более 100 тыс. американцев японского происхождения, как потенциальных шпионов и вредителей. Однако никто из них не хочет признать, что эти концлагеря были лишь органической и естественной частью огромной системы мобилизации, учета и контроля, которая включала призывную систему, контроль за ценами, ресурсами и личной жизнью граждан – то есть все то, что работало, по мнению властей, на дело победы.

Исследователи, которые пишут о процветании США во время Второй мировой войны, обычно не обращают внимание на то, как это “процветание” отразилось на благополучии отдельно взятого человека. Вместо этого они оперируют такими “коллективными понятиями” как уровень производства, объем производства, уровень цен, совокупный ВВП и т.п. Однако знание об экономическом положении общества, если конечно это не экономическая наука построенная по моделям Маркса или Кейнса, состоит не только и не столько в цифрах производства и показателях ВВП. Это прежде всего знание о потребностях и нуждах конкретного человека, о возможности выбора и о том сколько и что в реальности стоит. В командной экономике нужды

отдельного человека попросту не учитываются. В подобных условиях, совокупный ВВП лишь указывает на объем общего производства и не высвечивает, что конкретно произведено и для чего. Поэтому, здесь ВВП является просто цифрой, которая, если внимательно вчитаться в официальную статистику, может включать как затраты на товары народного потребления так и затраты на производство танков и, фигурально выражаясь, на постройку пирамид.

Во время войны львиная часть экономики США была естественным образом переориентирована на оборону и армию. Все это, бесспорно, было нужно, чтобы сокрушить Японию и Германию, но в плане обеспечения едой, одеждой, транспортом и жильем обычного человека подобные вещи были совершенно бесполезны. Поэтому неудивительно, что, несмотря на громадный рост производства в Америке в 40-е годы, качество жизни людей резко ухудшилось. Исчисления проведенные Институтом экономики и мира показывают, что доля потребления в американском ВВП за 1941-44 гг. упала с 67% до 46%, а инвестиции сократились с 11% до 3%. В тоже время государственные расходы, которые пополнялись за счет роста налогов, инфляции и дефицита бюджета, подскочили с 30% до 79% [64, р. 7].

Поясним это на нескольких простых примерах. Так, после реквизиции большей части автобусного парка на военные нужды людям приходилось преодолевать громадные трудности, чтобы добраться до работы. Также, в 20-е и 30-е годы американцы начали привыкать к автомобилям. Во время войны производство частных автомобилей прекратилось, и заводские мощности переориентировали на изготовление грузовиков и танков, а подержанные машины стало очень трудно купить. Они были доступны только на черном рынке и по сумасшедшим ценам. Даже если у человека была машина, возможность на ней передвигаться имела не всегда, поскольку государство распределяло бензин и шины только по талонам. Помимо машин, полностью прекратили производство холодильников, швейных машинок и даже велосипедов. Режим строгой экономии введенный на текстильные товары привел к правительственным запретам на изготовление жилеток и наружных карманов. Кстати, массовое распространение женских купальников-бикини, которые ныне так радуют взгляд мужчины, относится именно к этому времени, когда Управление по военному производству запретило изготовление сплошных купальников в целях экономии материала [50, р. 8].

Совершенно естественно, что в условиях мобилизации продовольствия на военные нужды и сокращения выпуска потребительских товаров, американцы тратили массу времени стоя в бесконечных очередях за продуктами и одеждой или занимались обменом и продажей талонов на черном рынке. Рабочая неделя увеличилась с 35 часов до 45 часов. Поскольку мужчины были на фронте, их заменили малоопытные или же совсем неопытные подростки, женщины и старики, которым обычно приходилось отстаивать не только дневные, но и ночные смены. В результате уровень травматизма на производстве подскочил на 30%. В довершение всего, из-за введенного государством потолка квартплаты, многие многоквартирные дома

пришли в совершенную негодность, поскольку их владельцы отказывались ремонтировать их – это было попросту невыгодно [65, р. 70-71]. И это лишь несколько отдельно взятых примеров американского “процветания” во время войны.

Один из наиболее “убийственных” аргументов сторонников тезиса о военном процветании – это практически полная ликвидация безработицы в 40-е годы, что опять таки часто ставится в заслугу лично Рузвельту. Действительно, цифры выглядят впечатляюще: с 1939 по 1944 г. безработица упала с 17.2% до 1.2% [66]. Тем не менее, рассматривать по формальным критериям призыв в армию как ликвидацию безработицы, а солдатские массы как рабочую силу, и на этом основании рассуждать об улучшении благосостояния страны, по меньшей мере, странно. К тому же подобная “работа” была часто связана с такими “производственными травмами” как увечья, смерть и нервные болезни. Хотя потери США в войне были малозначительны по сравнению со странами, которые воевали в полную меру, Америка все же потеряла более 400 тыс. убитыми и 670 тыс. ранеными.

С. Кузнец был первым, кто еще в 1945 г. обратил внимание на то, что к данным ВВП в условиях войны надо подходить очень осторожно [67]; стати, само понятие ВВП, которым мы оперируем сегодня, было впервые (1934 г.) предложено именно этим ученым. Кузнец отметил, что надо учитывать цель и человеческую цену экономической деятельности, а не валить в одну кучу военное и мирное производство, поскольку такой подход лишает смысла экономическую статистику и сводит на нет реальный вклад экономики в удовлетворение человеческих потребностей и в капитал, который послужит удовлетворению этих потребностей в будущем [67, р. IX]. Правда Кузнец здесь оговорился. Во время, как он выразился, “большой войны”, когда на кону жизнь или смерть, ситуация меняется. В подобных случаях придется приравнять “успех в войне и выживание общества” к благосостоянию отдельного человека”. Но тут же он снова оговаривается и подчеркивает, что “по большому счету бессмысленно приравнивать защиту жизни от внешних врагов к экономически полезной активности, направленной на удовлетворение потребностей отдельного человека. В лучшем случае военные затраты можно считать вынужденным условием для полезной активности, но ни в коем случае не самой полезной активностью” [67, р. IX].

В 1992 г. в своей статье историк-экономист Р. Хиггс наполнил эти утверждения конкретными фактами и статистикой. Он также обратил внимание на то что, помимо человеческой цены “военного процветания”, имеется вторая важная сторона вопроса, которую не отметил Кузнец: в условиях военно-командной системы данные пресловутого ВВП ничего не стоят еще и потому, что за ними нет никаких реальных цифр. В системе, где рыночное ценообразование полностью или частично отменено, говорить о какой-либо объективной экономической статистике не приходится [68]. Поскольку в 1941 – 1945 гг. в США большая часть цен диктовалась государством, объективность американского ВВП во время войны была та же, что и цена сталинской и брежневской статистики. Тем не менее, до 90-х

годов прошлого века историки и экономисты предпочитали этого не замечать и, как ни в чем небывало, оперировали дутыми цифрами. Хиггс, который скорректировал показатели ВВП во время войны с точки зрения удовлетворения нужд человека, пришел к выводу, что к 1943 г. он не только не увеличился, а даже упал на 14% по сравнению с 1941 г. С другой стороны, когда в 1945 – 1946 гг. государство, наконец, отпустило цены и “демобилизовало” экономику, в “человеческом измерении” ВВП наоборот скакнул на 27% [65, р. 67]. Тем не менее, до сих пор ни на чем не основанная правительственная статистика времен войны нет-нет да используется “прогрессивными” экономистами и историками для опровержения “реакционных” исследователей. Так, например, некий Т. Бэгг, в своей полемике с историком-экономистом Муром, как само собой разумеющееся, отмечал, что “утверждения о том, что война будто бы не покончила с Великой депрессией, легко опровергается широкодоступной статистикой, в частности данными по уменьшению безработицы и увеличению ВВП” [69].

Говоря о человеческом факторе и сомнительности самих цифр ВВП, нельзя также забывать, что невиданный рост в 40-е годы военной промышленности и ликвидация безработицы путем массового призыва в армию произошли за счет громадного роста государственного долга. Государственный долг, который из-за “нового курса” и без того был уже немалым (49 милд. долл. на 1941 г.), увеличился к 1945 г. до 260 миллиардов [70]. Кстати, именно этой стороне военно-командной экономики США 30-40-х годов современные кейнсианцы придают сакральное значение, считая, что огромный государственный долг это нормально, естественно и даже “прогрессивно”. П. Кругман, видный поборник кейнсианского подхода, пропагандирует подобные методы для решения экономического кризиса в наши дни: “Как я часто люблю повторять – это [ситуация кризиса] тот случай, когда зло становится добром, а трезвость глупостью. Попытки сократить государственный долг и дефицит бюджета только усиливают экономический кризис. Я иногда шучу, говоря о том, что нам надо симитировать угрозу со стороны инопланетян, чтобы заставить правительство мобилизовать людей на общественные работы, что приведет к оздоровлению экономики. Государственные расходы – это благо. Конечно, хочется, чтобы эти расходы были продуктивными, но и бесполезные расходы лучше, чем совсем ничего” [71].

В администрации Рузвельта, естественно, хотели скорого сокрушения Германии и Японии, но одновременно там как огня боялись экономических последствий победы. Их обуревал страх того, что многомиллионная армия демобилизованных солдат опять превратиться в армию безработных, что как считалось может привести к новому витку депрессии. П. Самуэльсон, видный патриарх кейнсианства, на учебнике [72] которого с 1948 г. по настоящее время выросло ни одно поколение студентов, уже в 1943 г. начал пугать общество тем, что если после победы свернуть военное производство, государственное регулирование и контроль, то наступит “период такой ужасной безработицы и такого жуткого промышленного спада, каких

экономика до сих пор не видывала” [73, р. 51]. Ему вторил известный политолог и теоретик “шведского социализма” Г. Мюрдаль: “Экономическая неопределенность в сегодняшней Америке сводится к двум вопросам. Первый - что случится с военным экономическим бумом, когда потребность государства в военных материалах иссякнет? И, второй - что произойдет, когда централизованный контроль сменится свободным предпринимательством? За исключением нацистской Германии и коммунистической России, странами с централизованной плановой экономикой, в истории не было прецедентов успешной экономической стабилизации. По-видимому, в нерегулируемой капиталистической экономике бум всегда неизбежно сменяется кризисом и депрессией. Как избежать хаоса, когда правительство одновременно прекратит инфляцию и уберет государственный контроль?” Мюрдаль рисовал мрачный сценарий наступления в Америке лавинообразной безработицы и эпидемии насилия [74, р. 51].

Опасаясь грядущего экономического апокалипсиса, за год до окончания войны администрация США стала готовиться к очередному “новому курсу”, вынашивая новые общественные программы, новые налоги и новую долговую яму. В своих речах Рузвельт начал обещать каждому “хороший дом”, “полезную работу” и бесплатную медицину. Только смерть президента остановила этот безудержный поток популистских деклараций. Г. Трумен, который сменил Рузвельта, хотя и не был таким активным реформатором как его предшественник, но, тем не менее, и он обещал всем полную занятость и хорошее жилье [70].

Однако после войны настроение людей несколько поменялось и ветры стали дуть не в паруса сторонников “нового курса”. Непрерывавшаяся на всем протяжении 30-х годов экономическая стагнация и массовая безработица убили веру в “новый курс”, несмотря на рост личной популярности Рузвельта, особенно во время войны. К тому же, благотворное влияние оказала система сдержек и противовесов: у Трумена не было абсолютного большинства в конгрессе как у Рузвельта в 30-е годы. В результате республиканская оппозиция смогла подрезать крылья сторонникам “нового курса” и добиться того, что Конгресс резко сократил государственные расходы: с 44% от ВВП в 1944 г. до 8,9% в 1947 г. В фактическом исчислении ВВП упало на целых 35%! Это было самое массивное сокращение госрасходов за всю историю США. Что самое интересное: в то время как государственные расходы стремительно падали, ежегодные налоговые поступления в федеральную казну практически не сократились; за период с 1945г. по 1948 г. они упали лишь на 4,7 млрд. долл. [50, р. 1-2]. К 1945 г. люди с доходом свыше 200 тыс. долл. платили 94% налога. Помимо этого существовал специальный налог на прибыль в размере 40% [70]. Конгрессу удалось немного сократить налог на прибыль (до 38%) и налог на доходы тех, у кого было свыше 200 тыс. долл. (до 86%); в 1948 г. последний удалось уменьшить еще до 82% [70]. И хотя это были весьма мизерные изменения, в совокупности с массивным сокращением

государственных расходов, впервые с 1929 г. людям был послан четкий сигнал: можно не опасаться за судьбу своих сбережений и собственности.

Экономического апокалипсиса, о котором так много говорили реформаторы, воспитанные на мобилизационных методах и антикапиталистической риторике межвоенного периода, после 1945 г. так и не случилось. Что же произошло? После кратковременного экономического спада в 1946 г., который длился не более 8 месяцев, страна испытала невиданный экономический рост. Тысячи новых крупных и мелких предприятий распахнули двери перед многомиллионной армией вернувшихся ветеранов, цены были отпущены, талоны отменены, и в результате экономика резко скакнула вверх. Правда произошло это не сразу, а со скрипом. Трумен и его команда поначалу испугались что цены на продукты, в особенности на мясо, резко взмыли вверх на 30%. Привыкшие к военному “учету и контролю”, в июле 1946 г. они попытались дать отбой свободному ценообразованию, но после того как мясо опять исчезло из магазинов, через три месяца они полностью сняли фиксированные цены на все товары и услуги за исключением квартирной платы, сахара и риса. Громадную роль в свертывании бюрократического регулирования сыграло сокрушительное поражение демократов в ноябре 1946 г. на выборах в конгресс, где задавал тон Р. Тафт, республиканец - сторонник свободного предпринимательства, который впоследствии проставился как противник разизма, “холодной войны” и НАТО [50, р. 9].

Трумен был вынужден освободиться от таких наиболее одиозных сторонников планирования и регулирования как Г. Икес, Г. Уоллес, Ф. Франкфуртер и Л. Хендерсон, что было воспринято предпринимательскими кругами как благоприятный сигнал. В результате объем частных инвестиций резко повысился с 28% в 1945 г. до 139% в 1947 г. Уровень потребления к 1946 тоже увеличился (на 12.4%), и это несмотря на свертывание военного производства и государственных расходов! Безработица так и не поднялась выше 3.5% [590, р. 9]. Чем меньше правительство расходовало, тем больше люди тратили и инвестировали, что и подняло экономику. Немалую роль в экономическом подъеме сыграли также отмена заградительных торговых пошлин введенных в 1930 г. и принятие плана Маршалла по восстановлению разрушенной Европы. Так Великая депрессия, которая началась в 1929 г., наконец завершилась.

Так почему же у значительной части американского общества в массовом сознании и даже на страницах исторических работ утвердилось мнение, что во время войны было хорошо? Дело в том что в отличие от 30-х годов, когда, несмотря на различные популистские шаги, из-за “нового курса” в стране не прекращалась массовая безработица, в 40-е годы, в результате мобилизации, все сразу как бы оказались при деле, что сразу сняло психологический стресс, устранив для простого народа пресловутую “неуверенность в завтрашнем дне”. Для среднего класса и предпринимателей, наоборот, как указывал Хигс, пришел “режим неуверенности”. Далее, сама природа войны способствовала мобилизации людей, сплочению и естественному

стремлению преодолевать трудности во имя победы. И что еще очень важно, благодаря введению талонов и распределительной системы, доходы людей несколько выровнялись. Средние классы и те, кто был в самом низу по своему положению приблизились к друг другу. Поэтому, несмотря на то, что общество в целом стало жить хуже и беднее, многим казалось что “жить стало лучше и веселее”. Здесь мы воочию видим действие хорошо знакомого по советской истории эффекта уравниловки. Хотя немалая часть товаров народного потребления (которые, кстати, по качеству стали намного хуже того, что производилось в США в 20-е и 30-е годы) во время войны исчезла из свободного оборота, а деньги обесценились, в бумажном исчислении зарплата у людей выросла. Все это, в совокупности с фиксированными ценами, введенными государством, радовало глаз простого человека [65, р. 74].

Несмотря на то, что после войны большая часть военно-командной системы была демонтирована, многие ее элементы не исчезли, а были переданы гражданским министерствам и там приобрели новую жизнь. Например, когда закрыли Управление по военному производству, его не упразднили, а перевели в Администрацию гражданского производства. Военные субсидии избранным монополиям также продолжали платить до 1947 г., а контроль за квартплатой продержался еще дольше. Прямым следствием “нового курса” и войны оказался закон о занятости (Employment Act) [76, р. 23-26], принятый в 1946 г., по которому государство обязалось делать все возможное, чтобы гарантировать максимальную занятость в стране. По этому же закону правительство брало на себя нереальное обязательство предотвращать экономические кризисы и другие “экономические непорядки”, которые могут возникнуть в будущем. Из знаменитого ленд-лиза времен войны постепенно выросла и утвердилась послевоенная практика регулярной финансовой подпитки государств-сателлитов, которые продвигают интересы США на международной арене. До 1941 г. подобная политика была просто невысказана.

Важно также отметить влияние войны на формирование налоговой системы США. В отличие от всех других стран, где отъем части доходов населения путем подоходного налога считается таким же естественным явлением как правила дорожного движения, в Америке, по крайней мере до Первой мировой войны, подобный налог (впервые введенный в 1913 году) считался мерой временной и чрезвычайной и его платили только немногие богатые люди. Первая мировая война расширила круг налогоплательщиков и превратила это временное явление в постоянное: закон о военном пополнении бюджета (War Revenue Act) от октября 1917 г. [77, р. 330-338]. Тем не менее, вплоть до Второй мировой войны подоходный налог продолжала платить лишь небольшая зажиточная часть населения. Вторая мировая война изменила все в этом отношении. Если до 1941 г. только 15 миллионов зажиточных американцев платили налоги, то к концу войны молох военной экономики заставил государство увеличить число плательщиков до 50 миллионов [25, р. 230]. В ноябре 1945 г. практику

всеобщего подоходного налога, который стали автоматически вычитать из зарплаты, закрепили на законодательном уровне специальным актом конгресса (Revenue Act of 1945) [78, p. 556-568].

А дальше, когда люди уже привыкли к подоходному налогу, волна пошла по нарастающей. В наши дни прогрессивный подоходный налог охватывает практически все взрослое население страны и взимается самым строгим, а часто и грубым образом. Причем сложнейшая система льгот, зачетов и вычетов делает эту систему настолько запутанной, что практически любой американец, при желании на то государства, может оказаться неплательщиком со всеми вытекающими отсюда последствиями. Надо также подчеркнуть, что без отъема значительной части дохода населения путем прогрессивного налога было бы невозможно финансирование пресловутого "общества всеобщего благоденствия" (welfare society), которое американская элита начала строить в 60-70-е гг. прошлого века и которое в наши дни терпит серьезный кризис.

Хиггс подытоживает влияние Второй мировой войны на США таким образом: "Война преподала американскому народу много уроков, в том числе и уроки глупости. Так преобладающим стало убеждение что, руководствуясь кейнсианскими принципами, государство и его управленцы посредством разных манипуляций, главным образом финансового характера, способны предотвратить экономический спад, стабилизировать экономику и обеспечить ее рост" [25, p. 226]. В совокупности с Первой мировой войной и чрезвычайными 30-ми годами, Вторая мировая война привела к фундаментальному идеологическому сдвигу в сознании американцев. Идея социального равенства, которая в Америке раньше никогда не была идеалом для большинства населения, после 1945 г. многим стала казаться зримой и желательной.

В результате в общественном мнении стало распространяться распределительное отношение к экономике и социальной политике, и многие пришли к убеждению, что государство должно заботиться о них. Уменьшилась неприкосновенность частной собственности и более распространенным стало презрение к людям, которые стремятся заработать больше. Более того, после войны немало предпринимателей, особенно из числа крупных "капиталистов", также стали воспринимать государственное вмешательство как нормальное и даже желательное явление. Зачастую такая сервильность бизнеса объяснялась вошедшей в традицию практикой использовать государственное регулирование для создания монополий и борьбы с конкурентами путем принятия соответствующих законов а также путем кормления громадной армии лоббистов при правительственных чиновниках.

Баланс экономической власти в стране сместился в сторону государства окончательно и бесповоротно. Оно и не могло быть иначе, ибо история Америки с 1917 г. постоянно развивалась в чрезвычайных условиях, двигаясь от кризиса к кризису и от войны к войне, что постепенно привело к росту и проникновению бюрократической власти во все поры американской жизни

или напрямую или чаще всего в виде мелочного регулирования. В результате индивидуальная свобода, которая до Второй мировой войны все еще считалась основополагающим принципом американской традиции, дала серьезную трещину. Указанный идеологический сдвиг очень хорошо выразил президент Д. Кеннеди, который в 1961 г. в своей речи по поводу своего избрания в президенты, воскликнул: “Не спрашивай, что твоя страна сделала для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны” [79]. Если задуматься о сути этой фразы, которая, кстати, стала в Америке крылатой, то мы увидим что здесь обществу предлагается лишь два варианта поведения: или человек ожидает что государство заботится о нем или же, что естественно является идеалом с точки зрения политической элиты, человек работает или жертвует собой на благо страны. Индивидуальной свободе, как экономическому и политическому идеалу (“спрашивай, что ты можешь сделать для себя сам”), здесь места уже не оказалось.

Библиографический список

1. Schlesinger A.M. The Age of Roosevelt. Vol. 1-3. Boston: Houghton Mifflin, 1964-1966.
2. Commager H.S. The American Mind: An Interpretation of American Thought and Character since the 1880's. London: Oxford University Press, 1950. 476 P.
3. Lipset S.M. and Marks G. How FDR Saved Capitalism // Hoover Digest. 2001. No. 1. // URL: <http://www.hoover.org/research/how-fdr-saved-capitalism>
4. Folsom B.W. New Deal or Raw Deal? How FDR's Economic Legacy Has Damaged America. New York: Threshold Editions, 2009. 318 P.
5. Commager, H. S., Morris, P.B. Editors' Introduction//Leuchtenburg, W. E. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932-1940. New York: Harper & Row, 1963.
6. Westbrook, R. Tragic Deal // Reviews in American History. 2015. Vol. 43. No. 1. P. 1-13.
7. Leuchtenburg W.E. The FDR Years: on Roosevelt and His Legacy. New York: Columbia University Press, 1995. 377 P.
8. McElvaine, R. S. The Great Depression: America 1929-1941. New York: Times Books, 1993. 423 P.
9. Burns, J. M. Roosevelt: The Lion and the Fox. New York: Harcourt, 1956. 553 P.
10. Kennedy, D. M. Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929–1945. New York: Oxford University Press, 1999.
11. Mark Leff, M. The Limits of Symbolic Reform: The New Deal and Taxation 1933–1939. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1984. 308 P.
12. Мальков, В. Л. Новый курс в США: социальные движения и социальная политика. М.: Наука, 1973. 383
13. Согрин, В.В. Новый курс Ф.Д. Рузвельта: единство слова и дела // Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 146-156.

14. Некипелов, А.В. Отечественная историография “нового курса” президента Ф.Д. Рузвельта//Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. 25. С. 98-103.
15. Сурков о Рузвельте и демократии // Дни.ру: интернет-газета. 2007. 10 февраля. - URL: <http://www.dni.ru/news/polit/2007/2/10/99389.html>
16. Niedowski, E. Putin as Russia's Franklin Roosevelt? Russian President's Attempt to Capitalize on FDR's Legacy Raises Some Eyebrows//Baltimore Sun. 2007. March 4. - URL: http://articles.baltimoresun.com/2007-03-04/news/0703020014_1_franklin-roosevelt-putin-fdr
17. Harvey P. Learning from the New Deal // Review of Black Political Economy. 2012. Vol. 39. No.1. P. 87-105.
18. Marcus, D. The Horizontalists//Dissent. 2012. Vol. 59. No. 4. P. 54-59.
19. Kazin M. Why the Left Wins on Culture and Loses on Economics//Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. No. 5. P. 52-53.
20. URL: <http://content.time.com/time/covers/0,16641,20081124,00.html>
21. Heffner A. Turns out He's not FDR//The Washington Post. 2011. July 24. Section B. P. 3.
22. Smith J.S. A Concise History of the New Deal. New York: Cambridge University Press, 2014. 211 P.
23. We Are All Socialists Now//Newsweek. 2009. February 16.
24. Kaye H. The Fight for the Four Freedoms: What Made FDR and the Greatest Generation Truly Great. New York: Simon & Schuster, 2014. 292 P.
25. Higgs R. Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government. New York: Oxford University Press, 1987. 350 P.
26. Best G.D. Pride, Prejudice, and Politics: Roosevelt versus Recovery, 1933-1938. New York: Praeger, 1991. 261 P.
27. Reed L. Great Myths of the Great Depression. Midland, MI: Mackinac Center for Public Policy, 1998. 23 P.
28. Powell J. FDR's Folly: How Roosevelt and His New Deal Prolonged the Great Depression. New York: Three Rivers Press, 2003. 336 P.
29. Shlaes A. The Forgotten Man: A New History of the Great Depression. New York: Harper, 2008. 468 P.
30. Murphy R.P. The Politically Incorrect Guide to the Great Depression and the New Deal. Washington, DC: Regnery, 2009. 198 P.
31. United States Statutes at Large. Vol. 46. Part 1. P. 590-763.
32. Coode T.H. and Bauman J.F. People, Poverty, and Politics: Pennsylvanians during the Great Depression. East Brunswick, N.J.: Associated University Presses, 1981. 276 P.
33. FDR's First Inaugural “The only thing we have to fear is fear itself”, March 4, 1933 // The Heritage Foundation. - URL: <http://www.heritage.org/initiatives/first-principles/primary-sources/fdrs-first-inaugural-the-only-thing-we-have-to-fear-is-fear-itself>
34. Higgs R. Regime Uncertainty: Why the Great Depression Lasted So Long and Why Prosperity Resumed after the War // The Independent Review. 1997. Vol. 1. No. 4. P. 561-590.

35. United States Statutes at Large. Vol. 48. Part 1. P. 195-211.
36. Hawley, E. The New Deal and the Problem of Monopoly. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966. 526 P.
37. United States Statutes at Large. Vol. 48. Part 1. P. 31-54.
38. Beito D. T. From Mutual Aid to the Welfare State: Fraternal Societies and Social Services, 1890-1967. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2000.
39. United States Statutes at Large. Vol. 49. P. 1014-1015.
40. Franklin Roosevelt Presidential Library, Morgenthau Diary, May 9, 1939. - URL: <http://www.burtfolsom.com/wp-content/uploads/2011/Morgenthau.pdf>
41. Engerman D.C. Modernization from the Other Shore: American Observers and the Costs of Soviet Economic Development // American Historical Review. 2000. Vol. 105. No. 2. P. 383-416.
42. Goldberg J. Liberal Fascism: The Secret History of the American Left from Mussolini to the Politics of Meaning. New York: Doubleday, 2007. 487 P.
43. Wallace H. Farm Economists and Agricultural Planning // Journal of Farm Economics. 1936. Vol. 18. No. 1. P. 5. великой
44. FDR's First Inaugural "The only thing we have to fear is fear itself", March 4, 1933 // The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/initiatives/first-principles/primary-sources/fdrs-first-inaugural-the-only-thing-we-have-to-fear-is-fear-itself>
45. Woods T. The Politically Incorrect Guide to American History. Washington, DC: Regnery, 2004. 270 P.
46. Cohen A. The Difference between Politically Incorrect and Historically Wrong // New York Times. 2005. January 26. Section A. P. 16.
47. Cohen R. An Indelible Stain on FDR's Legacy // Washington Post. 2013. March 12. Section A. P. 15
48. Brinkley, A. American History: A Survey. Glencoe, IL: McGraw-Hill, 2009. 922 P.
49. Krugman, P. R. Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. NY: Norton, 2009. 207 P.
50. Henderson, D. R. The US Postwar Miracle. Mercatus Center, George Mason University Working Paper. November 2010. P. 3. - URL: <http://mercatus.org/sites/default/files/publication/U.S.%20Postwar%20Miracle.Henderson.11.4.10.pdf>
51. United States Department of Commerce. Historical Statistics of the United States, 1780-1945. Washington: Government Printing Office, 1949. 371 P.
52. United States Statutes at Large. Vol. 54. Part 1. P. 213.
53. Roseman, S. I., ed. Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. New York: Harper & Brothers Publishers, 1938-1950. Vol. 9.
54. United States Statutes at Large. Vol. 54. Part 1. P. 1090-1091.
55. United States Statutes at Large. Vol. 55. Part 1. P. 742-743.
56. Roosevelt, F. D. Executive Order 9024 Establishing the War Production Board, January 16, 1942. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=16297>
57. United States Statutes at Large. Vol. 56. Part 1.

58. Garraty, J.A. *The New Deal, National Socialism, and the Great Depression* // *American Historical Review*. 1973. Vol. 78. No. 4. P. 907-944
59. Schivelbusch W. *Three New Deals: Reflections on Roosevelt's America, Mussolini's Italy, and Hitler's Germany, 1933 – 1939*. New York: Picador, 2007. 242 P.
60. Schmitz D.F. *The United States and Fascist Italy, 1922 – 1940*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1988. 273 P.
61. Conrat, M and Richard C. *Executive Order 9066: The Internment of 110,000 Japanese Americans*. Cambridge, MA: MIT Press for the California Historical Society, 1972.
62. Daniels, R. *The Decision to Relocate the Japanese Americans*. Malabar, FL: Krieger, 1986.
63. Robinson, G. *By Order of the President: FDR and the Internment of Japanese Americans*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
64. The Institute for Economics & Peace. *Economic Consequences of War on the US Economy*. Sydney-New York-Washington, DC: The Institute for Economics & Peace, 2011. P. 7. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2011/09/The-Economic-Consequences-of-War-on-US-Economy.pdf>
65. Higgs R. *Depression, War, and Cold War: Studies in Political Economy*. New York: Oxford University Press, 2006. 221 P.
66. Amadeo K. *Unemployment Rate by Year: Unemployment in U.S. History* // URL: <http://useconomy.about.com/od/Employment/a/Unemployment-Rate-By-Year.htm>
67. Kuznet S. *National Product in Wartime*. NY: National Bureau of Economic Research, 1945. 156 P.
68. Higgs R. *Wartime Prosperity? A Reassessment of the U.S. Economy in the 1940s* // *Journal of Economic History*. 1992. Vol. 52. No. 1. P. 41-60. // URL: <http://www.independent.org/newsroom/article.asp?id=138>
69. Bagg T. *Stephen Moore vs. History* // URL: <http://www.niftimal.com/politics/economics/moore-vs-history.pdf>
70. Folsom B.W. *What Ended the Great Depression?* // *Freeman*. 2010. February 24. // URL: <http://fee.org/freeman/detail/what-ended-the-great-depression>
71. Krugman P. *Secular Stagnation, Coalmines, Bubbles, and Larry Summers* // URL: http://krugman.blogs.nytimes.com/2013/11/16/secular-stagnation-coalmines-bubbles-and-larry-summers/?_r=0
72. Samuelson P. *Economics*. New York: McGraw-Hill, 1948. 622 P.
73. Samuelson, P. A. *Full Employment after the War*//S. E. Harris, ed. *Postwar Economic Problems*. New York and London: McGraw-Hill, 1943. P. 27-53.
74. Myrdal, G. *Is American Business Deluding Itself?*//*Atlantic Monthly*. 1944. November. P. 51-58.
75. Moore S. *What Really Ended the Great Depression* // URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2014/10/what-really-ended-the-great-depression>
76. *United States Statutes at Large*. Vol. 60. Part. 1.

77. United States Statutes at Large. Vol. 40. Part 1.

78. United States Statutes at Large. Vol. 59. Part 1.

79. "Ask Not What Your Country Can Do for You": John F. Kennedy's Inaugural Address, January 20, 1961. URL: <http://www.ushistory.org/documents/ask-not.htm>

*Andrei A. Znamenski**

“War is the Health of the State”: Revisiting Heroics of American New Deal and War-Time Prosperity

This review article explores the influence of two world wars (with a special emphasis on the Second World War) on the social, economic, and political development of the United States. First, the paper analyses revisionist writings (Robert Higgs, Lawrence Reed, Amity Shlaes, Burt Folsom, Jim Powell, and Robert Murphy) that, since the 1980s, have been increasingly questioning apologetic attitudes to President Franklin D. Roosevelt’s New Deal, stressing how his policies prolonged the Great Depression. Second, it is shown that this scholarship eventually moved toward the revision of the established myth about American prosperity during World War II. It is noted that war mobilization and regulation schemes of the New Deal directly and indirectly have contributed to the growth of federal bureaucracy and eventually to the erosion of individual liberties.

Key words: Franklin Delano Roosevelt, United States, New Deal, Second World War, Bureaucracy, Great Depression, “Regime Uncertainty”.

*© . Znamenski Andrei. A., 2016

Znamenski Andrei. A. – Professor of History, Department of History, University of Memphis, TN 38152, USA